

Взгляд мой метнулся к линии горизонта,
и я тут же узнал коричневую фигуру.
Передо мной был вовсе не овцебык.
Все оказалось гораздо хуже...

День 29-й

История мальчика,
который выжил
после нападения гризли

Алекс Мессенджер

Бестселлер Amazon

Алекс Мессенджер
День 29-й. История
мальчика, который выжил
после нападения гризли
Серия «Рожденные выжить»

Текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63432745

*День 29-й. История мальчика, который выжил после нападения гризли / Алекс Мессенджер: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-121470-8*

Аннотация

Путешествие длиной в 600 миль, сплав на каноэ по безлюдным просторам Канады – настоящая мечта для семнадцатилетнего подростка, но после нападения медведя гризли главной его задачей стало остаться в живых.

Перед вами подлинная история выживания в дикой природе, рассказ о том, как встреча с медведем гризли едва не стоила жизни семнадцатилетнему Алексу Мессенджеру во время сплава на каноэ по рекам и озерам канадской тундры. Читателю предстоит последовать за Алексом и его пятью спутниками – они продвигаются на север и преодолевают изматывающие пороги посреди просторов потрясающей природы. Поход длился

уже двадцать девять дней, когда Алекс, отойдя от товарищей, подвергся нападению северного гризли. Придя в себя, подросток понимает, что летнее приключение превратилось в борьбу за выживание. Все последующие часы и дни Алекс и его спутники обрабатывают его раны и полагаются лишь на свою стойкость, изобретательность и упорство, чтобы добраться до далекой деревни в тысяче миль к северу от американо-канадской границы и получить помощь.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Примечание автора	6
Пролог	7
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алекс Мессенджер

День 29-й. История мальчика, который выжил после нападения гризли

Моей семье за то, что она показала мне мир, и моей жене Лейси за то, что помогла мне увидеть все это снова.

Медведи сделаны из того же праха, что и мы, они дышат теми же ветрами и пьют те же воды. Дни медведя согреты тем же солнцем, его жилище укрывает то же голубое небо, а жизнь его зарождается и угасает в такт с биением сердца – такого же, как и наше. Он вышел из того же первообразного источника. И независимо от того, попадет ли он в конце пути в наш унылый рай или нет, ему даровано земное бессмертие. Его жизнь, не длинная, не короткая, не ведает ни начала, ни конца. Жизнь его беспредельна, не спланирована заранее, она выше случайностей времени, и годы его, ничем не отмеченные и бесконечные, равны вечности.

Джон Мьюр

Примечание автора

Эта книга – воспоминание, невыдуманная история, она написана с максимальной точностью на основе личного опыта и добросовестно выполненных записей в дневнике, а также благодаря фотографиям и интервью с ключевыми участниками событий, сделанными позднее. В тех случаях, когда в фокусе повествования оказывается не только сам рассказчик, были использованы подробности из интервью, взятых у людей, сопровождавших автора.

Пролог

Прохладный ветер, дующий через приполярную тундру, шелестел тонким нейлоном моей палатки, холодный воздух освежал и помогал расслабиться. Солнечный свет пробивался сквозь тонкую дымку высоких перистых облаков, мягко нагревая палатку, и в ней было особенно хорошо. Я поуютнее устроился в спальнике и вскоре погрузился в глубокий сон. Было уже за полдень, шел двадцать девятый день девятистоткилометрового похода на каноэ, в который я отправился с пятью другими гребцами.

Из глубины сна я резко вынырнул и сел, задыхаясь, отчаянно торопясь проснуться и обрести ясность мыслей. Грудь моя вздымалась, легкие жадно ловили воздух, словно я только что вынырнул из-под волны. Я уже не помнил, что мне приснилось. Встревоженный, я оглядел палатку. Здесь напроочь отсутствовало ощущение времени, и все же меня охватило тревожное чувство, будто я куда-то опаздываю.

Подгоняемый тревожной мыслью о том, что мне надо куда-то спешить, я быстро оделся, обулся, вышел из палатки и широкими шагами стал подниматься на холм, забираясь на крутой скалистый гребень над нашим лагерем. Все еще ощущая тревогу и стряхивая с себя плотно державший меня дурман сна, я вскоре запыхался от тяжелого подъема. На то, чтобы подняться по гребню метров на тридцать по верти-

кали, у меня ушло несколько минут. Наверху я увидел лунный пейзаж с округлыми гранитными куполами, разбросанными среди более мелких камней. Я стоял на высоте более ста двадцати метров над необъятной голубой ширью озера *Принцесс-Мэри*¹, и вид отсюда открывался почти на пятьдесят километров во все стороны. Безлесный простор поражал величием, а расстояние трудно было постичь.

Ошеломленный увиденным, я повернулся к небольшой возвышенности вдалеке, увенчанной сложенной из камней пирамидой-инукшуком, и продолжил движение. *Nikon* в водонепроницаемом противоударном кейсе оттягивал мне руку. Я решил, что не буду доставать фотоаппарат, пока не доберусь, куда наметил. Я шел мимо маленьких округлых валунов, много веков назад оставленных вдоль гребня сползавшими с него ледниками. Большой месяц склонился на небе впереди по ходу моего движения, указывая на север, в сторону Северного полярного круга. Я шел, рассматривая поверхность гребня и любясь искорками солнечного света в граните и серо-зелеными цветками лишайника.

Ощущение, словно я опаздываю куда-то, постепенно отступало, и я начал успокаиваться. Мысли мои блуждали. Я думал о предстоящем выпускном классе в средней школе и о книге для летнего чтения, лежавшей у меня в кармане, –

---

¹ *Принцесс-Мэри* – озеро в южной части территории Нунавут в Канаде. Одно из самых больших озер Канады – площадь водной поверхности 471 км², общая площадь – 524 км² (здесь и далее – Прим. пер.).

это был «Клуб лжецов»². Быстро отбросив мысли о книге, я вспомнил о кейсе с фотоаппаратом и стал прикидывать, что стоит сфотографировать прежде всего. Я миновал пятна лишайников и россыпи гранита, прошел мимо растущей пучками травы. Доставать фотоаппарат или читать мне было лень, и я решил посидеть рядом с инукшуком – место казалось идеальным.

На полпути к пирамиде я по-прежнему смотрел себе под ноги, взбираясь по одному из пологих гранитных куполов, когда краем глаза вдруг отметил, что наверху что-то мелькнуло. Я резко вскинул голову. Метрах в девяти от меня, на вершине купола, двигалось животное. Коричневый мех. Все во мне сжалось, а пульс забился в два раза быстрее. Все мышцы от плеч до ног разом напряглись. Я вспомнил об агрессивных овцебыках, которых мы видели раньше. Нас предупреждали, что они очень опасны. Пока мой мозг был занят расшифровкой стремительно передающихся сигналов синапсов и зрения, я сделал гораздо более страшное открытие. Передо мной был не овцебык – все оказалось куда хуже. В этот момент взгляд существа встретился с моим. На меня пристально смотрели черные глаза медведя гризли.

---

² «Клуб лжецов» – роман Мэри Карр (1995).

Часть I

Глава 1

Заброс в тайгу: дни 1–2

Есть магия в ощущении весла и движении каноэ, магия, смешанная с расстоянием, приключениями, одиночеством и покоем. Путь каноэ – это путь дикой природы и почти забытой свободы. Это противоядие от неуверенности, открытая дверь к водным путям прошлых веков и образу жизни с глубоким и неизменным удовлетворением. Когда человек становится частью своего каноэ, он становится частью всего, что когда-либо знали каноэ.

Сигурд Ф. Олсон³ «Поющая глушь»

Самолет вибрировал от неприятного гудения работавших вхолостую моторов. Нам предстояло целый час лететь, а затем сорок два дня идти на веслах. Пилоты, со своего «насе-ста» руководившие нашей посадкой в самолет с поплавка, уже погрузили в *Twin Otter* наше снаряжение – оно громоздилось от носовой перегородки до уложенных высокой ку-

---

³ Сигурд Фердинанд Олсон (1899–1982) – американский писатель, эколог, защитник дикой природы.

чей объемных рюкзаков в хвосте. Три каноэ марки *Old Town Tripper* заняли всю правую часть салона. Свободным оставалось лишь пространство вдоль узкого ряда из шести полотняных сидений с левой стороны, а также возле неплотно завинченной запасной бочки с топливом, что стояла сразу за креслом второго пилота. Вентилятор подхватил испарения реактивного топлива, и мы напрасно пытались не обращать на это внимания.

Дэн пробирался на свое место через сиденья впереди меня, этому здоровяку ростом два метра было непросто развернуться в тесноте между сиденьями и уложенными друг на друга каноэ. Сиденья были довольно спартанские – старая парусина, натянутая на алюминиевый каркас, – и в узком туннеле представляли собой подобие препятствий в лабиринте, так что нам приходилось неловко переступать друг через друга. Я ниже Дэна на пятнадцать сантиметров, во мне ровно метр восемьдесят три, но и я с трудом пролез к своему месту. Сзади меня сидел Жан, в ярко-красном дождевике, глаза его было невозможно рассмотреть сквозь солнечные очки, а челюсти были плотно стиснуты, словно он пытался сдержать напряжение, от которого и у меня что-то сжималось под ребрами. За ним сидел Огги, наименее тепло укутанный из нас – всего несколько слоев одежды и тонкий флис сверху. Он был готов к взлету, спокоен. За Огги сидел Майк, в желтой куртке, недавно обритая голова его была высоко поднята, глаза открыты. Замыкал ряд Дэрин, самый мелкий

из нас, он выбрал самое маленькое сиденье у хвостовой перегородки, за кучей снаряжения у большой двери в хвосте самолета. Из-под клапанов черной флисовой шапочки волосы его выбивались темными кудряшками. Он сжал губы, отыскивая и защелкивая пряжку ремня безопасности. Я нашел свой ремень и затем выглянул наружу через запотевший иллюминатор, стараясь смотреть сквозь громко вращавшиеся на крыле лопасти винта.

На причале стояла группа из пяти девушек – *Femmes*⁴, которым предстояло отправиться в такой же, как и наш, поход. Их каноэ и снаряжение грудой были навалены на берегу, как недавно лежали и наши пожитки. Забросив нас в бескрайнюю канадскую тайгу, самолет вернется за ними. Они тоже приземлятся где-нибудь в глуши и пойдут на веслах по большим рекам и озерам. Наши маршруты будут идти параллельно на расстоянии сотен километров друг от друга, пока через несколько недель, наконец, не пересекутся. Однако самих девчонок мы там не увидим; их маршрут был спланирован так, что им предстояло опередить нас на полнедели и полтораста километров. Мы встретимся с ними только в маленьком городке в конце наших маршрутов, почти в 900 километрах к северу от места заброса.

– Увидимся в Бейкер-Лейк! – закричали мы друг другу на прощание, и не успел я опомниться, как уже смотрел на них со своего места в самолете. Я помял пальцами и поплотнее

---

⁴ *Femmes* – с франц. «женщины».

вложил в уши затычки, чтобы заглушить рев работающих на холостом ходу двигателей. В иллюминатор было видно, как улыбающаяся группа выстроилась плечом к плечу, приготовившись начать традиционный прощальный танец лагеря *Миноджин*⁵. Девчонки синхронно махали ногами вправо и влево, распевая «*Счастливые тропы*»⁶. Шум моторов самолета не давал нам расслышать слова, но мы знали их наизусть и так.

Двигатели взревели, и самолет затрясло. Взметнувшаяся от воздушной струи вода озера хлестнула на берег, заглушая прощальный хор. Схватив шляпы и солнцезащитные очки, чтобы их не унесло, *Femmes* закончили песню и исчезли из виду.

Через минуту мы уже были в воздухе над озером Линн-Лейк и поднялись над деревьями на его дальнем берегу. Вскоре скорость достигла почти трехсот километров в час, в трехстах метрах под нами раскинулась северная часть озера Манитоба и бескрайнее кустарниковое мелколесье канадской тайги. Я сидел и смотрел на поблескивающие, смахивающие на амёб пятна внизу – куда ни глянь, везде виднелись лишь озера и нетронутая земля. Прошло уже больше часа, а

---

⁵ *Кэмп Миноджин* – юношеский спортивный лагерь в системе «Юношеской христианской ассоциации», основанной в 1844 году Джорджем Уильямсом. Лагерь располагается в штате Миннесота и организует пешие, канойные и скалолазные походы для групп из 4–6 подростков длительностью от 8 до 45 дней.

⁶ «*Happy Trails*» – написанная в 1952 году для телешоу песня Роя Роджерса и Дэйл Эванс стала народной.

мы все летели. От гула двигателей, дребезжания фюзеляжа и едкого запаха самолетного топлива у меня стало ломить голову.

Когда мы прибыли к месту назначения в таком же безлюдном месте, самолет закружил над озером Уолдайа. Наши пилоты выполнили предварительный заход, снова развернулись и только после этого аккуратно приводнились на первом озере нашего маршрута. Подруливая пропеллерами, они направили казавшийся неуклюжим корпус к берегу, поправки чиркнули по скалам, и самолет с сильным толчком замер.

Мы вшестером выбрались через заднюю дверь и, прежде чем начать выгрузку, впервые глотнули холодного приполярного воздуха. Перед вылетом странно было разбирать наши каноэ, снимая с них упоры и банки, – только так лодки можно было уложить одну над другой, чтобы все они поместились в самолет. Теперь пилоты, вышагивая, как акробаты, по поплавкам, помогали нам вытаскивать громадные каноэ из крохотного самолета. Мне хотелось собрать лодки, пока пилоты не улетели, на случай, если вдруг что-то пойдет не так. Каноэ были нашей надеждой на спасение. Без них мы, пешие туристы, нагруженные снаряжением для каноэ, пропадем.

Мошки накнулись на нас сразу. Мелкие и темные, они бесшумно и злобно облепляли обнаженную кожу на запястьях, на поясе и на линии роста волос, моментально присасывались и оставляли в местах укусов жгуче-зудящие точки и капельки крови.

Вскоре все наше снаряжение было выгружено из самолета, и пилоты стали готовиться к обратному рейсу на Линн-Лейк из никому неизвестной точки посреди почти пустой карты. К концу дня они, вероятно, вернутся в какой-нибудь лагерь, в какой-нибудь город, может быть, даже лягут спать в свои собственные постели. Мы же находились в неведомом, незнакомом месте и пробудем тут еще полтора месяца, но для них мы – лишь чартерный рейс, карандашом записанный в календаре. И пусть пилоты едва ли вспомнят нас через неделю – для нас, для меня и моих товарищей по походу, этот день был началом пути, которому суждено было изменить нашу жизнь: теперь мы были *Hommes du Nord*⁷, и нам предстояло сорок два дня плыть на каноэ по бурным рекам и озерам Канады.

Мне было семнадцать.

* * *

За полгода до этого я стоял на коленях в снегу на смотровой площадке Карибу-Рок, над озером Вест-Бearsкин-Лейк в штате Миннесота, в нескольких километрах к югу от предназначенной для плавания на каноэ акватории Приграничных вод и канадской границы. Дело было сразу после Рождества 2004 года. Рядом со мной был Майк, мой новый друг, с

---

⁷ *Hommes du Nord* – с франц. «мужчины Севера».

которым я познакомился за несколько дней до того, а также еще несколько подростков и проводников из зимней смены в Кэмп Миноджин. Наше дыхание облачками пара повисало в неподвижном зимнем воздухе. Бледно-серое небо роняло крупные белые снежинки, они парили, как гусиный пух, почти невесомые.

Мне предстояло принять решение.

– Тебе стоит согласиться, – сказал Майк. Маршрут *Hommes du Nord* предполагал сорок два дня путешествия по северной части Канады – сорок два дня в походе, сорок два дня плавания на каноэ по белой воде: сплав, обнос, сон на тонкой «пенке» в тонкой палатке, сорок два дня питания сухими продуктами. Сорок два дня приключений и свежего воздуха.

Предыдущие три года я каждое лето отправлялся в Кэмп Миноджин, постепенно осваивая все более продолжительные и сложные маршруты на каноэ, пока, наконец, меня не пригласили отправиться в этот потрясающий поход, самый длительный и самый сложный из всех, что предлагал лагерь.

Необходимый опыт у меня был, а вот денег на такой поход пока что не было. Я долго раздумывал, глядя, как бесшумно и медленно падают снежинки.

* * *

Опустившись на колени на подушку из сфагнового мха, я

закончил прикреплять к нашему каноэ банку и поглядел на наших пилотов. Возможно, это последние люди, которых мы увидим на протяжении почти тысячи километров. В животе у меня сжалось от мысли о предстоящем нам одиночестве. Мы собирали последнее каноэ вместе; похоже, они все-таки выдержат нас. Мы дважды залезли в самолет проверить, не забыто ли что-нибудь, но на борту остались только сиденья и едко пахнувший топливный бак. Мы могли выступить в поход, а пилоты были готовы к отлету. Они заперли заднюю дверь *Twin Otter* и прошли по узкому поплавку, чтобы забраться по трапу в кабину.

– Ну, – сказал пилот, – приятного вам общения с мошкой. По мне, так вы все спятили, но все равно счастливого пути!

Вместе со вторым пилотом он нырнул внутрь, винты загудели, поплавки скрежетнули по камням берега, самолет развернулся к середине озера Уолда́йа, и двигатели заработали на полную мощность. Самолет поднялся в воздух, рев мотора разнесся над водой. Набирая высоту, самолет неспешно развернулся в сторону нашей группы. Набрав скорость, они снизились до трех метров над водой и пошли прямо на нас. Нос самолета становился все больше, рев все громче, пока не показалось, что он вот-вот врежется в нас. Я почувствовал, что, подпрыгнув, смогу коснуться одного из поплавков. Мы пригнулись и громко закричали, размахивая руками и ругаясь. В последний момент самолет задрал нос и ушел вверх, а мелкоколесье вокруг так и дрожало от рева двигателей. Уве-

рен, пилоты у себя в кабине ржали во весь голос, глядя, как мы счищаем с одежды и вытряхиваем из волос лишайники и мох. Мы еще толком не отправились в поход, а приключения уже начались.

Когда звук самолета затих на юге, мы поднялись по мшистому склону на просторную поляну вдали от берега. Сбившись в кучу, мы поговорили о предстоящем походе, о том, как мы себя чувствовали теперь, когда, собственно, мы уже вышли на маршрут. После того как самолет улетел, во мне все так и бурлило от волнения. Я готовился к походу целых полгода, зная, что останусь один с небольшой группой товарищей посреди безлюдных просторов северной Канады. И все же, пока самолет не скрылся из виду, до меня не доходило, что это значит на самом деле. А ведь мы внезапно остались одни. Конечно, у нас был спутниковый телефон, но, если бы возникла такая необходимость, помощь мы могли получить в лучшем случае лишь через несколько часов, а в худшем – она была бы вообще недоступна.

Мы могли полагаться только на самих себя и свою группу, но больше всего мы полагались на Дэна. Я смотрел на него, пока он направлял наш разговор. Он был на десять лет старше меня и уже давно работал проводником в походах на каное. Я полностью доверял ему. Его мастерство, опыт и руководство должны были помочь нам сплавиться по реке Дубонт, по рекам Кунвак и Казан, выйти к озеру Бейкер и, в конце концов, вернуться домой. Поначалу странно было

внезапно почувствовать себя в такой безлюдной глуши, так далеко от привычного образа жизни, вдали от «страховочной сетки» повседневных удобств, семьи и друзей. Мы все были бывалыми походниками, но здесь все было по-другому. Канадское приполярье – местность настолько пустынная, что здесь можно неделями двигаться, не опасаясь встретить никого другого, и земля, кажется, простирается в бесконечность. Для каждого из нас это будет самый длительный поход в жизни. Мы уже углубились в тайгу, и единственный выход – почти тысяча километров сплава и обноса в направлении на север, туда, где в конце маршрута мы должны выйти к крошечному и уединенно расположенному городку Бейкер-Лейк.

Какое-то время мы разговаривали, а в тайге было тихо и спокойно, если не считать густых клубов вьющейся мошки и жужжащих вокруг нас комаров. Я чувствовал себя странно, словно не знал, где нахожусь и что будет дальше. Мне представлялась бескрайняя тундра, ее необъятные просторы к северу и востоку от Бейкер-Лейк, тысяча километров извилистых рек, озер и обносов. Все пространство между тем местом, где мы стояли сейчас, и конечным пунктом маршрута, крошечной точкой на карте, казалось пустым в моем сознании – какой-то размытый образ, как нечетко набросанные на бумаге контуры земли и воды. Эта пустота тревожила меня, мне было не по себе, но я сумел отделаться от этого чувства, пока мы занимались погрузкой и готовились к спуску.

ку каное на воду.

Несмотря на нервозность, которую, я был уверен, чувствовали все мы, тот первый день выдался прекрасным, он подарил нам долгие часы солнца, воды и гребли. Мы отлично провели время, а потом лениво вздремнули в лодках. К тому времени, когда разбили лагерь, мы уже далеко продвинулись по течению реки Дубонт, оказались на третьей странице топографической карты и на два дня опережали график похода.

Мы поставили наши две крошечные экспедиционные палатки *MSR Prophet*, но решили не устанавливать громоздкую палатку-накомарник, которую взяли для приготовления пищи и отдыха. Когда лагерь был почти полностью готов, мы с Дэрином немного порыбачили, но поймали только щуку. Чистить и разделявать скользких зубастых дьяволов мы не любили, а запасов еды в трех бочонках весом по 34 килограмма каждый нам должно было хватить на весь маршрут, поэтому мы бросили щуку обратно.

Когда мы вернулись в лагерь, казалось, все комары на свете решили слететься к нам на огонек. Я отмахивался от них и ходил взад и вперед, и все равно мои макароны были усеяны безжизненными черными тушками недавно летавшего протеина. На Крайнем Севере пища – конечный ресурс. Я попытался убедить себя, что маленькие темные точки – это черный перец, и продолжал есть. В следующий раз, как бы сложно это ни было, надо будет поставить палатку-накомар-

ник.

Второй день маршрута мы гребли на Дубонте с утра до ночи. Пока мы шли вниз по течению, длиннохвостые полярные крачки летали над головой и ныряли, сновали взад и вперед. Они были удивительно проворны и быстры, их черно-белые перья появлялись и исчезали так внезапно, что казались серебристыми.

Если бы не резкий свист крыльев крачки, случайный ветерок и журчание бегущей воды, тишина держала бы нас в плену. Это была не та душная тишина, что бывает в замкнутом от внешнего мира пространстве. Тишина в северной пустыне – истинное звучание необъятности. От него я чувствовал себя маленьким и незначительным. Мне казалось, я заглядываю в пещеру. Глубокая, темная, таинственная, она словно не имеет конца или в любой момент рискует обрушиться. Подобное чувство я уже испытал раньше в бореальных лесах северной Миннесоты, где на меня обрушились звуки всей экосистемы, неустанный гул, почти неразличимый человеческим ухом. Сначала это ощущение было ошеломляющим, даже дезориентирующим, но постепенно я привык к нему и стал чувствовать себя комфортно. На бескрайних просторах Северо-Западных территорий ощущение приобрело новый масштаб. По мере того как я привык к этому, меня всегда удивляло, насколько естественно приходило ощущение места, бесконечно более старого, чем я, более значительного, чем я. Может быть, именно поэтому я и выбрал этот поход.

Мы гребли вниз по течению, проходили озера, огибали скалы, преодолевали небольшие пороги, и вот, наконец, добрались до озера, где решили остановиться на ночь. Там поднялся ветер. Когда с неба ударила молния, мы повернули к берегу. Через несколько минут мы с трудом пытались поставить палатки, деревья вокруг нас сгибались под порывами плотного ветра, а песок обжигал лица, как мокрый снег. Палатки хлопали и бились на ветру, словно громадные воздушные змеи, когда мы пытались ухватиться за их углы и загнать шпильки в грунт. Я представил себе, как палатка вырвется у меня из рук и улетит в озеро или вообще исчезнет в небе. От такой картины я вздрогнул и постарался загонять шпильки поглубже.

Поставив палатки, мы побросали туда спальные мешки и одежду, подальше вытащили каноэ на берег и уложили под них наши почти пустые рюкзаки. Уверенные теперь, что все вещи будут в безопасности, как в бункере, мы укрылись в палатках. Это было 4 июля⁸ 2005 года, и пока мы сидели, прислушиваясь к шуму ветра и дождя и раскатам грома, я думал о друзьях и семье дома – ведь они там смотрели совсем другой фейерверк. Наша палатка дрожала, а я думал о густой зеленой траве на невысоких холмах, мягком ворсе расстеленного на земле пледа для пикника, слышал коллективные «ох!» и «ах!» и представлял себе подсвеченные ог-

---

⁸ 4 июля – один из главных национальных праздников в США – День Независимости.

нями фейерверка лица.

Наша палатка озарилась бледно-желтым светом, затем раздалось громкое «бах!». Гром и молния грянули в одну и ту же секунду. Должно быть, молния ударила в дальний берег. Мечты о доме быстро рассеялись, и я повыше подтянул ноги на спальном коврикe, чтобы уменьшить площадь контакта с почвой. Так мы и сидели, ожидая, когда пройдет буря.

Ветер постепенно утих, а потом и дождь прекратился. Я выбрался наружу и увидел вечернее солнце, пробивающееся сквозь отступающие грозовые тучи. За нашей стоянкой параллельно берегу тянулся длинный извилистый гребень. Я не заметил его раньше – гладкий склон из гравия, поднимающийся к узкому гребню. Он казался тут странно неуместным, будто изготовленным на заказ. Это место напомнило мне велосипедную дорожку, по которой я множество раз ездил в детстве, – заброшенные железнодорожные пути, которые были преобразованы в многоцелевую тропу. Она петляла над болотом и шла через густые леса к западу от Миннеаполиса до маленького городка Эксельсиор. В жаркие летние дни хорошо бывало прокатиться на велосипеде шесть с половиной километров до кафе, где подавали лучший охлажденный кастард⁹ во всем штате.

Как и велосипедная дорожка, гребень позади нашего участка был, насколько я мог видеть, везде одинаковой вы-

---

⁹ *Кастард* – популярный американский десерт из сладкого заварного крема (из яиц и молока).

соты – все тот же крутой склон, поднимающийся от самого берега. Это был эскер, след древней ледниковой реки, первый, что мне довелось увидеть. Когда лед растаял, осадочные отложения со дна одной из этих голубых рек остались на земле, образовав огромную змееподобную насыпь. Эти вздувшиеся вены и артерии, оставшиеся от ледникового периода, разбросаны по всей северной части Канадского щита. На наших картах эскеры были представлены маленькими параллельными метками, похожими на ряды деревянных шпал, как будто изображавших длинный извилистый железнодорожный путь, который так никогда и не был проложен. Северная Миннесота также усеяна следами ледников: отступая, они вырезали в материковых породах округлые углубления и холмы, оставили валуны размером с дом и тысячи озер, расположенных на карте параллельными штрихами, словно процарапанными когтями гиганта. Но эти процессы, оставившие неизгладимые следы на ландшафте, закончились давным-давно и казались чем-то абстрактным, неким интеллектуальным умозаключением. А этот эскер меня просто очаровал. Вода, текущая по каналу, который сам сделан из льда, кажется изменчивой, существование даже мощной реки непостоянно и может закончиться, стоит только температуре измениться на несколько градусов. Здесь же передо мной была извилистая линия древней реки, полная изгибов и древних суводей, а камни и валуны, когда-то захваченные ее потоком, теперь стали постоянной частью пейзажа.

Взобравшись на эскер, я увидел широкую переливающуюся гладь озера, бледно-розовое солнце и темно-серые, как сталь, оттенки отступающей грозы. Вечер был чудесный. С момента выхода на маршрут на озере Уолда́йа мы шли на веслах среди казавшихся бескрайним морем кустарников, елей и пихт, образующих тайгу северной части Канадского щита. А это озеро, с его эскерами и песчаными пляжами, отличалось от прочих, которые мне довелось видеть. Земля казалась особенно древней, как никогда раньше. Небо казалось больше, вода холоднее. Мы словно попали в прошлое.

Глава 2

Вода: дни 3–8

Я еще никогда не видел реки, которую не мог бы полюбить. Текущая вода... обладает завораживающей жизненной силой. Она наделена энергией, грацией и ассоциациями. Она имеет тысячу цветов и тысячу форм, и все же она подчиняется законам столь неизменным, что самый крошечный ручеек является точной копией великой реки.

Родерик Хейг-Браун¹⁰ «Река никогда не спит»

В течение следующих нескольких дней мы шли дальше по реке, привыкая к характеру русла, к течению, к тому, как вода омывала скалы, к тому, что нам видно и что не видно, к тому, на что мы способны как гребцы по одиночке и что нам по силам вместе с партнером по каноэ. Каждый день мы меняли напарников, поэтому каждый из порогов оказывался иным, как из-за его уникальных особенностей и скальных образований, так и потому, что команда каждого каноэ менялась день ото дня.

Мы проходили участки белой воды достаточно консервативно – я хочу сказать, что нашей целью всякий раз было вы-

---

¹⁰ Родерик Лэнгмир Хейг-Браун (1908–1976) – англо-канадский писатель, защитник природы, автор книги «Река никогда не спит» (1946).

бирать самый адекватный курс вниз по течению. Мы не искали острых ощущений, не выискивали рискованные участки, не пытались преодолеть препятствия наплывом, короче, шли достаточно осторожно. Наша задача состояла в том, чтобы добраться до гладкой воды с наименьшими потерями. Несмотря на все наши усилия, переживаний все равно хватало – и не скажу, что кто-то был этим огорчен.

Многие сплавы по реке Дубонт предусматривали использование «фартука» на носу или даже всем корпусе каноэ – водонепроницаемых тканевых клапанов, которые подгонялись точно под размер каждого каноэ, чтобы они предотвращали попадание воды с боков внутрь. У нас таких предосторожностей не было; мы намеренно решили обойтись без защиты, надеясь, что это заставит нас грести более аккуратно. Мы боялись, что наличие «фартука» сделает нас излишне безрассудными, заставив проходить наплывом более сложные пороги, подставляться более высоким волнам и подвергаться неоправданному риску. Как выяснилось, без защиты мы оказались более подвержены всяческому неприятностям вследствие мелких ошибок.

Неудачно рассчитанный угол на траверсе, волна, которая оказывалась чуть выше, чем казалась издали, представлялась при просмотре немного больше, чем казалось сверху, или быстроток, который нес нас вниз стремительнее, чем мы ожидали, – любой мелочи было достаточно, чтобы в лодку попадало несколько ведерок воды. Стоит набрать воду на

планширь, и каноэ становится неуклюжим, не реагирует на действия гребцов. Еще немного воды, и каноэ начнет оседать все глубже и глубже, пока из воды не будут видны одни лишь гребцы – от пояса и выше. В такой момент остается надеяться только на участок мелководья или помощь с одного из других каноэ.

Вряд ли кому-то из нас не нравилось проходить на каноэ участки белой воды. Находиться в увлекаемой течением лодке, ощущать мощь реки и сознавать, что постоянно балансируешь между спокойствием и опасностью и сидишь в наполовину заполненном водой каноэ – эти ощущения были захватывающими.

Далекий гул разбивающейся о камни воды кружил голову. Я был охвачен нервным предвкушением. Мурашки пробежали у меня по рукам, и я невольно задержал дыхание, поворачивая голову, чтобы прислушаться, как будто, слушая пороги, можно было просмотреть воду и найти верный курс даже до того, как мы увидим их.

Всем нам белая вода была не в новинку. За год до этого каждый по месяцу провел в походах на каноэ по рекам южной части канадской тайги – эти маршруты числились в категории «Норд-Вест». Перед началом этого похода мы снова тренировались на порогах реки Сент-Луис в Миннесоте, повторяя основные приемы гребли, маневры «прямым подтягиванием» и «рычагом», позволяющие сместить каноэ вбок, а также гребки «С» и «J» для управления лодкой с

кормы. После тренировочных поворотов, разворотов и вращений наших каноэ в бухте мы перешли к более специфическим приемам гребли для белой воды и способам перемещения каноэ, которые были выверены точно, как фигуры сложного танца, да и назывались замысловато и непривычно. Дэн выкрикивал названия гребков. «Перехват!» – и мы переносили весла на противоположную сторону каноэ, и лодка поворачивалась в воде. «Подтягивание!» – и мы совершали обратное движение, разворачивая лодку в другую сторону. Мы спускали каноэ на воду на относительно коротких участках реки и кружили их в спокойных суводях с помощью приема под названием «*dufek*» – это агрессивная техника подруливания, благодаря которой каноэ может быстро сделать «кругом!» на одном месте. В местах, где грести было слишком рискованно, мы тренировались в управлении лодками снаружи с помощью канатов, с берега или мелководья – эта техника называлась «проводка». После тренировок мы совершили сплав по реке Сент-Луис от автомагистрали Интерстейт 35 до водохранилища Томсон-Резервуар. На этом участке длиной в 6,6 километров расположены пороги класса I–III с такими названиями, как «Первая дыра», «Скрытая дыра», «Пороги Спасения» и «Последний шанс». Тренировки придали нам уверенности и напомнили о том, какое же это классное занятие – сплав! Но тренировались мы без рюкзаков, без палаток, без бочонков с провизией, в теплую погоду там, где сотовые телефоны надежно ловили сеть, а до

кафе с мороженым можно было доехать за несколько минут. На Северо-Западных территориях Канады этой «страховочной сетки» не было и в помине. А Дубонт была гораздо шире и полноводнее, чем река Сент-Луис.

В начале четвертого дня мне пришлось вспомнить, как быстро на порогах все может пойти наперекосяк. На полпути Жан использовал «подтягивание» вместо «перехвата», и внезапно нос каноэ качнулся не в ту сторону. Секундой спустя мы всем боком чиркнули по обливняку и вылетели прямо на его середину. Мы застряли, раскачиваясь на волнах, словно черепаха, перевернутая панцирем вниз. Чтобы освободиться, мне пришлось выбраться на камень и столкнуть с него каноэ. Лодка накренилась, соскальзывая вниз по течению, и как раз в тот момент, когда мне удалось вскарабкаться обратно на борт, мы сели на следующий камень, и мне снова пришлось вылезать и толкать. Теперь мы отстали от других и кружились на месте, используя то «рычаг», то «подтягивание», чтобы нас не швыряло на камни. Наконец, мы скользнули в спокойную суводь внизу, где увидели остальных парней – они поджидали нас за валуном, уложив на колени весла. Увидев нас, они подняли брови.

– Без комментариев, – сказал я.

Нам повезло. Такая оплошность на большом пороге могла запросто привести к тому, что каноэ залило бы водой или хуже того. Будь препятствия крупнее, а течение сильнее, нашу лодку смяло бы о камни, как фантик из фольги. Нам по-

везло, и это стало нам уроком.

Хотя сплав по белой воде опасен изначально, мы изо всех сил старались свести риск к минимуму. Мы всегда надевали спасательные жилеты и тренировались, как надо бросать концы, чтобы вытащить застрявшего ниже по течению товарища. Нас предупреждали, что самое опасное – это зацепиться за что-то ногой. При таком – самом страшном – сценарии развития событий стопа жертвы застревает под камнем или другим препятствием, а течение затягивает пострадавшего под воду. Чтобы избежать этого, если мы окажемся в воде, следовало повернуться головой по течению и держаться на воде так, чтобы стопы были обращены вверх, выше уровня ягодиц. Такое положение было чревато синяками на спине, но зато можно было не бояться, что стопы застрянут. Другой опасностью были «расчески». Деревья – самый распространенный тип «расчески», их ветви или корни действуют в воде как сито, захватывая мусор и гребцов. Сила течения легко может прижать человека к такой «расческе», и мы старались избегать их любой ценой. Надо было также стараться не попадать и в «котлы», где волны постоянно возникают и без конца кипят на одном месте. Предметы, попадающие в «котел», крутятся и вертятся там, то всплывая, то погружаясь. Гребцов и даже лодки, если они оказываются в такой ловушке, крутит и бросает, как мокрое белье в стиралке. Нам говорили, что если мы окажемся в «котле», то лучший способ спастись – действовать, не слушая прика-

зывающую сжаться в комок интуицию: надо растопырить во все стороны руки и ноги и надеяться, что какая-нибудь конечность случайно выскочит в неподвижный участок воды, и вы сможете выбраться из «котла». А вот если это не сработает, надо сжаться в комок и погрузиться вниз и выплывать – вбок, вниз по течению или вверх, куда угодно, лишь бы подальше от бурлящего «котла». Тем не менее самым главным способом справиться с этими и другими опасностями для нас было избегать их с помощью просмотра препятствий с берега, общения, обучения и тренировок по управлению лодкой так, чтобы она, да и мы в ней, оставались в надводном положении.

Но река была не единственным местом, где мы были незащитны.

На пятый день, двигаясь вниз по течению, мы наблюдали за грозой, бушевавшей довольно далеко от нас. Казалось, гроза пройдет стороной, но только мы вышли из суводи, как небо начало темнеть. Буря настигла и быстро окружила нас. Река почернела, и дождь налетал будто волнами – то льет сплошным потоком, то вдруг ни капли с неба, и тут же следующий вал. Неожиданно с треском сверкнула молния совсем близко от нас. Мы лихорадочно гребли к берегу, и тут перед нашим каноэ появилась пара выдр: они покачивались на волнах, лежа на спинках, и с любопытством глядели на нас. Казалось, они улыбались, словно уговаривали нас остаться. Мы проигнорировали их и сильнее заработали веслами, то-

ропясь выйти на берег, так как удары грома и вспышки молний разделяли уже лишь несколько секунд.

Выбравшись на сушу, мы вытащили лодки, все еще полностью нагруженные, как можно дальше на камни, а затем разошлись по неглубокой лощинке, поросшей коренастыми кустами сумаха, и присели на корточки. За лощиной грациозно поднимался невысокий эскер, образуя изогнутый защитный выступ. Вспышки молний и раскаты грома происходили одновременно и со всех сторон. Скорчившись, как нас учили, в позе для грозы и сидя на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы молния не могла поразить несколько человек одновременно, я вздрогнул, когда небо расколола ветвистая молния – так близко, что воздух задрожал. Некоторые из нашей группы с интересом наблюдали, а другие предпочли пониже спрятать головы в капюшоны. Безжалостный ливень не прекращался, и каждый из нас почувствовал на себе его ярость.

Молния была одним из моих основных страхов в походе. Когда я был еще младенцем, наш дом чуть не загорелся после того, как в него попала молния, и тушили это возгорание, заливая огонь из ведра, где были замочены мои пеленки. В моего прадеда в Кливленде, штат Огайо, когда-то попала молния, и рассказ о том, что на его длинных белых кальсонах остались прожженные контуры вен, передавались из поколения в поколение. В научного руководителя моего отца в аспирантуре попала молния на вершине Эль-Кастильо

в Чичен-Ице, и он умер, пока мой отец безуспешно пытался спасти его с помощью искусственного дыхания и непрямого массажа сердца. Молния – мощная сила, и бьет она без разбору. На воде молния делала меня пугливым, торопливым, почти обезумевшим. Теперь, на суше, я пытался успокоиться – я твердил себе, что только это и могу сделать, а уж остальное мне неподвластно. Можете считать это пассивным отношением, но когда мы выбрались на берег и скорчились в позе для грозы, больше ничего и сделать-то было нельзя. Мы ждали, дождь хлестал по нашим скрюченным фигурам, а небо освещали вспарывавшие его острые когти электричества.

Я подумал о своем талисмানে, хранящемся в круглой жестянке из-под *Altoids*¹¹ в *драйбеге*¹². Мне его подарил иссохший старый монах в Таиланде. Я так и вижу его худую руку, вытянутую из-под оранжевого одеяния. Пальцы с выступающими костяшками сжимали показавшийся тяжелым по сравнению с ними маленький пурпурный амулет. Мне вспомнилось подходящее случаю поучение о беспокойстве и ненужных страданиях, которые оно вызывает. Мы в своей жизни тревожимся о множестве разных вещей, и в большинстве случаев для этого нет никаких причин. Если что-то, с чем мы имеем дело, вызывает беспокойство, лучше превратить это беспокойство в действие и противостоять обстоятельствам

---

¹¹ *Altoids* — марка мятных леденцов, известная с 1780 года.

¹² *Драйбег* — (турист.) герметичный рюкзак (образовано от англ. dry bag – «сухая сумка»).

или подготовиться к ним. Если же причина беспокойства полностью лежит вне нашего контроля, мы никак не можем повлиять на результат, как бы сильно он нас ни занимал – а потому мы не должны позволять ему занимать наши умы.

И все же, сделав все возможное, чтобы остаться в живых, я не чувствовал никакого умиротворения. Я еще раз убедился, что рядом со мной нет никаких природных громоотводов, что я не сижу на выступающем из земли корне дерева, и снова пристроился на корточках, стараясь стать как можно меньше и не касаться почвы больше, чем необходимо. Когда мир вокруг меня словно взорвался, я попытался сделать глубокий вдох и медленно выдохнуть. Я сделал все возможное, чтобы защититься.

Наконец шум грозы стих почти так же быстро, как и начался, и вскоре он уже был едва слышен вдалеке, как эхо. Небо посветлело. Мы с трудом поднялись на ноги, все наши дождевики насквозь пробило дождем. Я чувствовал облегчение и неуверенность, меня потряхивало от адреналинового отката.

В ту ночь из нашего лагеря на высоком гравийном холме с одной из сторон горизонта все еще видна была гроза, а туманные лучи солнца просачивались сквозь облака с другой. Повсюду виднелись большие и маленькие лужи и бесконечные холмы с черно-розовыми выступами материковой породы, проглядывающими сквозь зеленый бархат, что устилал их склоны. Карликовые сосны одним своим видом меняли

масштаб, и все казалось больше, чем на самом деле. Создавалось впечатление, будто рассматриваешь бесконечную диораму, где все было идеально, бережно расставлено так, чтобы подменить один пейзаж другим. Вздвигающиеся холмы то открывали, то скрывали далекую темную воду, а бледно-желтые лучи солнечного света медленно переползали с одного места на другое.

Грозы редко бывают в тайге, говорили нам.

На следующий день мы настороженно следили за небом. Оно казалось одновременно близким и широким, как будто мы рассматривали его в широкоугольный объектив «рыбий глаз». Непогода, застигшая нас накануне, была до сих пор видна на горизонте: она медленно смещалась к востоку, а на западе уже закипала новая гроза. Все утро над нами проплывали темные тучи. Затем по ним разбежались темные вены теней, похожие на трещины на замерзшем озере. Темная завеса дождя хлынула, ушла, и вокруг засияли радуги. На этот раз мы с безопасного расстояния наблюдали, как эффектные молнии бесшумно расчерчивают небо вдаль.

Позже в тот же день мы подошли к множеству порогов и вытащили каноэ на берег, чтобы посмотреть препятствия с суши. Мы прошли метров четыреста вдоль реки и поднялись на гранитный валун. Когда-то давно, целые геологические эпохи тому назад, ледник приволок этот валун и бросил тут. Он был почти пять метров в высоту и весь порос бурым лишайником. С вершины нам было видно с полкило-

метра бурлящей и кипящей белой воды с разнообразными препятствиями до того самого места, где река поворачивала под прямым углом у очередного валуна, ставшего для нее точкой вращения. Пройти этот поворот будет непросто.

Вернувшись в лодку, мы с Дэрином встали на колени на коврики и пошли по течению. На полпути к повороту мы попытались «подтянуться» к спокойной суводи и промахнулись. Вместо того, чтобы задержаться для спокойной перегруппировки в медленной суводи, мы вдруг поняли, что изо всех сил гребем против течения, никакой спокойной воды поблизости и в помине нет, а нас кормой вперед выносит в поворот. Если мы так и будем плыть задом наперед между острых каменных зубцов и круто нависших над водой скал, крутой поворот у валуна-«точки вращения реки» приведет к тому, что лодка наберет воды. Мы лихорадочно огляделись и обнаружили еще одну крошечную суводь ниже по течению. Мы подтянулись и скользнули в нее. В тот момент, когда мы пересекли ее границу и попали в спокойную воду, реальность будто переключилась в режим замедленной съемки: мы спокойно дрейфовали, а река бешено неслась совсем рядом с нами. Мы выровняли дыхание, считывая воду на следующем участке сплава.

Покружив минуту в суводи, мы стали быстро и энергично выгребать из нее. «Подтягиваясь» к течению, я глубоко погрузил весло в воду, и мы развернулись, сильно накренив лодку, когда вошли в основную струю. Тут же мы снова ока-

зались на белой воде, уворачиваясь от брызг. Мы приближались к последнему и самому сложному этапу, который включал узкие V-образные сливы, высокие стоячие волны и крутой поворот на девяносто градусов, где нам предстояло проскользнуть между валуном-«точкой вращения реки» и кипящим, ревущим пенным «котлом». Слив был узкий, с обеих сторон были препятствия, а ниже него опять камни. Обогнув последний валун перед «точкой вращения», мы синхронно заработали веслами, чтобы повернуть каноэ. Течение влекло нас к глубокому сливу. Мы с Дэрином наклонились к повороту, когда сильные боковые струи чуть не вышвырнули нас вместе со всем снаряжением из лодки в реку. В одно мгновение мы втянули руки, с целью обойти валун, и снова глубоко погрузили весла в воду, чтобы продолжать грести, держать курс и уйти подальше. В следующее мгновение мы скользнули по сливу в более спокойные воды внизу. Кровь стучала у меня в голове, каждый удар пульса отдавался в ушах. Мы миновали препятствие последними – итак, все три каноэ вышли из поворота четко и слаженно. Мы кричали и поздравляли друг друга с удачным поворотом. Какая самонадеянность! Впереди нас ждал один из самых сложных участков, что мне доводилось проходить. Открытая полоса безопасной воды была не более двух метров шириной, чуть шире, чем наши лодки в длину. С обеих сторон были готовые уничтожить нас препятствия. Сплав напоминал бег по узкому горному хребту – ни влево не свернуть, ни вправо. Только впе-

ред, и только ветер свистит в ушах.

* * *

На следующий день, когда мы добрались до озера Барлоу-Лейк, Майк прикрепил к леске классическую красно-белую блесну *Dardevle* и бросил ее в воду. Она тяжело, с плеском упала и сразу ушла вглубь. Вскоре удочка согнулась, и Майк закричал, что поймал рыбу. С такой толстой леской ему не нужно было вываживать рыбу, и он сразу вытащил нашу первую *озерную форель*¹³. Спина у нее была цвета темной стали, бока покрыты сотнями крошечных пятен, а брюхо почти белое. Рыба была крупная, сильная, с очень выступающей верхней губой и заходящей под нее нижней челюстью, что придавало ей угрюмый вид. Весу в ней было, наверное, около семи килограммов, и мы разделали ее на два прекрасных розовых филе, каждое почти в три сантиметра толщиной.

Мы устроили лагерь в нескольких километрах от края озера и тщательно закрепили палатки, особенно их входные клапаны, под очередным ливнем. Форель мы добавили в меню отличного ужина из кускуса с фалафелем. Пока мы гото-

---

¹³ *Озерной форелью* обычно называют североамериканского кристивомера *Salvelinus namaycush*. Это крупная – до 1 м – озерная рыба, сходная с американским гольцом. Ценная промысловая рыба, живет до 23 лет, обитает в Великих озерах в США и Канаде.

вили, темно-красный закат прорвался сквозь дождевые облака и через все небо растянулась двойная радуга. Она сияла так ярко, что все вокруг, насколько хватало глаз, купалось в глубоком шафрановом сиянии.

Дождь так и не прекратился, и мы решили устраиваться на ночь. Закат растворился в сумерках. Скоро наступит рассвет. Здесь не бывало темноты – только разные оттенки тени. Она накрыла тундру, нашу заболоченную после дождя стоянку и палатки. И все же впервые за этот поход мне пришлось делать записи в дневнике при свете подвесного фонарика. Тень сгущалась, и с каждым сутками ночи становились все темнее.

На восьмой день мы закончили меняться местами в лодках, и я с Дэном снова оказался в одном каноэ. Мы прошли остаток озера Барлоу-Лейк под ласковым солнцем. Огги, сидевший в соседней лодке, подносил карту близко к лицу, чтобы рассмотреть мелко обозначенные контуры озер.

Между Барлоу и следующим озером, в нескольких километрах вниз по течению, был обозначен уклон реки.

– 1,28 метра на 1,61 километра, – сказал Огги, и брекеты, которых обычно было не видно, когда он говорил, блеснули, потому что он морщился и щурился на ярком солнце.

Такие цифры означали относительно спокойное течение и несколько несложных порогов. Мы снова вышли из Барлоу-Лейк в реку.

Наши расчеты оказались неверны.

Вместо стабильного понижения на протяжении нескольких километров большая часть уклона пришлось на участок длиной в восемьсот метров. Мы выбрались на берег, провели просмотр, прошли половину порогов, добрались до участка спокойной воды и снова вышли посоветоваться. Даже с берега пороги казались сложными. Договорились, что первыми пойдем мы с Дэном, а остальные будут наблюдать. Я нервничал. Мы вернулись в лодку, разогнались и вошли в течение, направляясь к участку спокойной воды рядом с бурлящим «котлом». Мы чуть было не перестарались, но быстро исправились. Едва миновали «котел», как нам пришлось резко брать вправо в быстротоке, затем резко влево, затем мы влетели в узкий V-образный слив и еле отвернули в сторону от камней. Все происходило очень быстро, но наша лодка грациозно огибала препятствия, как слаломист – флажки, не переставая подскакивать на высоких волнах. Казалось, мы обвели кого-то вокруг пальца, миновав препятствие, будто нарочно расположенное тут, чтобы нас задержать. Но мы сумели найти потайной путь и обошлись без потерь. Это было здорово!

Через несколько часов мы добрались до озера Кэри-Лейк, и внезапно сильно похолодало. Я достал свой водонепроницаемый GPS-навигатор со встроенным термометром и на стальном удилище опустил его в озеро. Через несколько минут экран показал ноль градусов по Цельсию.

Мы довольно долго гребли по озеру под слабым встреч-

ным ветром, а затем решили отдохнуть. Внезапно ветер развернулся на 180 градусов и стал с силой толкать нас в корму. Холодный ветер дул нам в спину, а темные тучи надвигались спереди, словно ледяное подводное течение затягивало нас в непогоду. Мы сняли шапки и закрепили все свободно лежащие части груза. Через несколько минут мы уже неслись по озеру, разрезая верхушки почти метровых волн с пенными гребнями. В целях безопасности мы жались ближе к берегу, однако вскоре из воды стали подниматься розовые, красные и серые камни, они выглядывали вокруг нас повсюду, и мы только чудом не налетели на них.

– Мы еще на камни не садились! – заорал Дэн, перекрикивая ветер.

Тут прямо перед нашей лодкой показался камень.

– Дэн! – завопил я, с силой отгребая.

Каное наполовину выскочило на камень и остановилось так резко, что нас чуть не выкинуло из него на четвереньках. Следующая волна подхватила лодку и столкнула в воду. Другие каное тоже натыкались на камни, и мы постарались отойти от берега на такое расстояние, чтобы больше не рисковать. Но и там было слишком опасно. Надо было уходить с воды. Мы направили лодки к острову на другой стороне залива и позволили волнам вынести нас на берег, где и устроили лагерь. Мы переволновались, пока проходили белую воду, а потом еще неожиданно поднялся ветер, и неудивительно, что, пока мы молча разбирали снаряжение и устанавливали

палатки, напряжение никак нас не отпускало.

Мы начали готовить ужин, доставали бочонки с едой и устанавливали каркасный рюкзак-укладку, где хранились наши специи и кухонные принадлежности. Мы вытащили из бочонков пакеты с макаронами и рисом и упаковки соусов, и, наконец, Дэрин нашел соус, который мы приготовили заранее для ужина, – арахисовый соус в азиатском стиле, который мы называли *gado-gado*¹⁴. Теперь он искал пакет макарон-«ракушек», которые должны были стать основой этого и еще одного ужина. Когда он нашел пакет, нас поджидало неприятное открытие. Пакет оказался маленьким. Когда мы покончим с этим ужином, на следующий раз у нас останется в два раза меньше макарон, чем нужно. Что-то тут было не так.

– Вытащи все и пересчитай, – сказал Дэн.

Мы аккуратно разделили все пакеты и выложили порции кучками на земле. Макароны-«ракушки» оказались не единственной проблемой. Не хватало и других припасов. Мы молча смотрели на гору еды, страдая от того, что ее так мало.

Когда перед началом похода мы рассчитывали расход продуктов, то предполагали, что потребление калорий, пусть даже и очень приличное, окажется все же ниже, чем их расход. Однако в тот безумный час сборов в Миноджине мы, по

---

¹⁴ *Gado-gado* (индон. gado-gado) – блюдо индонезийской кухни, смесь различных вареных либо сырых овощей, иногда других продуктов, залитая арахисовым соусом.

всей вероятности, ошиблись в расчетах и подсчетах. Укладывались мы второпях, запихивали подряд и макароны, и порошковые пайки, и сухие ингредиенты, заготавливали густую смесь из сухофруктов, которую называли *пеммикан*, а также готовили *спортфуд* – богатую белком смесь арахисового масла, дробленых овсяных зерен, сухого молока и меда, которую мы употребляли с ланчем. Наши запасы представляли собой объемные, как в кладовке, пакеты макаронных изделий и овощей, а не индивидуальные, завернутые по отдельности пайки. Все это было разделено на три части по пятнадцать дней каждая, в каждой предполагался одинаковый набор блюд в меню и одинаковые порции, упакованные в синие водонепроницаемые бочонки. Каждый бочонок был рассчитан на тридцать четыре килограмма продуктов, и все равно выходило, что нам не хватает того и этого. Вместо шести чашек лапши на обед у нас было, наверное, четыре-пять чашек. Вроде и небольшая разница, но, если учесть, сколько калорий мы сжигаем при гребле, картина была невеселая. Постепенно наши тела будут съедать жировые отложения. Если дефицит калорий окажется слишком велик, наши тела начнут брать недостающие калории из мышц. Нам еще повезло, что рыба начала клевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.